

После того, как Мужун Шу Цин проделала небольшой путь, она обнаружила, что не знает верного направления. Повсюду ее окружали красные цветы сливы, которые постепенно распускались, небо уже потемнело, и было еще труднее понять, куда идти. У нее не было другого выбора, кроме как встать у сливового дерева. Обернувшись, чтобы посмотреть на Мо Цаня, она выдавила беспомощную улыбку и сказала: «Думаю, я снова заблудилась».

Мо Цань подошел к Мужун Шу Цин и эта пара глаз, которые всегда были полны холода, спокойно оглядели ее. Его молчание, как обычно, будто окутало морозом всю атмосферу. Спустя очень долгое время Мо Цань протянул правую руку и медленно погладил Мужун Шу Цин по волосам. Его внезапное движение заставило Мужун Шу Цин почувствовать легкое удивление, но она не стала отстраняться. Когда он опустил руку, она заметила пожухший красный цветок в его руке. Его ладонь была шероховатой, всё потому, что эта рука держала меч круглый год, но его движения были исключительно нежными, когда он гладил упавший цветок.

- Неужели тебе действительно так необходимо ставить себя в опасное положение? - приглушенный голос Мо Цаня эхом разнесся по обширному пространству сливового леса, и если бы она не прислушалась к нему внимательно, то не смогла бы расслышать отчетливо его слова.

Взгляд Мужун Шу Цин отвлекся от созерцания упавшего цветка сливы. Когда она ясно услышала, что говорит Мо Цань, она поражено молвила: «Ах, но я вовсе не хочу ставить себя в опасное положение!» Хотя, если сказать честно, ей доставляло удовольствие, когда за ней охотились некоторые люди.

- Однако ты не хочешь оставаться здесь.

Мо Цань отпустил испорченный красный цветок, и тот, выпав из его руки, поплыл по ветру.

Мужун Шу Цин огляделась вокруг. В любом случае, ей самой не выбраться отсюда, а Мо Цань не выглядел так, будто мечтал ее проводить, поэтому она вновь прислонилась к тому большому сливовому дереву и с улыбкой спросила: «Ты собираешься стать голосом Чу Иня?»

Глядя на то, как Мужун Шу Цин держится, она совсем не походила на благородную дочь из богатой семьи. Мо Цань выглядел намного более жестким, одетый во все черное, высокий и с прямой спиной - он не проигрывал даже высокомерным цветам сливы во дворе. Мо Цань слегка нахмурил брови и сказал своим холодным голосом: «Рядом с ним ты, по крайней мере, будешь в безопасности».

Несмотря на то, что он никогда не называл Чу Иня «учителем», тот никогда не просил его об этом. Но никто в этом мире не мог соперничать с превосходным кун-фу Чу Иня, более того, с его странным методом разделения и удивительными медицинскими способностями, он был уверен, что Чу Инь сможет защитить ее. Так что, просто оставаясь рядом с ним, Мужун Шу Цин будет в полной безопасности.

Мужун Шу Цин тихо вздохнула и, облокотившись на толстую ветку позади себя, слегка прикрыла глаза. Прохладный ветер охлаждал кожу, и тонкий аромат леса плыл по воздуху. «Бывает много случаев, когда безопасность лишь условна, - сказала Мужун Шу Цин легким голосом. - Нет такого места, которое можно было бы использовать в качестве убежища на всю жизнь. У меня есть обязанности, и у меня нет выбора, кроме как взять их на себя!»

Как она могла не понимать, что быть рядом с Чу Инем было бы проще всего, но те люди, которые желали ее смерти, на самом деле нацелились не на нее, а скорее на семью Мужун. Если бы они убили ее, это был бы самый быстрый способ разрушить бизнес семьи Мужун. Она могла бы спрятаться за спиной Чу Иня, тогда опасность грозила бы старому Мужун Сяну и Мужун Син Хуну, который только-только вырос. Когда вы уже превратились в опору для других людей, как можно было небрежно убрать свои крылья?!

Когда голос Мужун Шу Цин затих, Мо Цань откровенно произнес: «Хорошо, раз так».

Его чрезмерно нежные интонации заставили Мужун Шу Цин с некоторым любопытством открыть глаза. Лицо Мо Цаня перед ней по-прежнему было жестким и холодным, но в его глазах на мгновение мелькнула тревога, и она даже поймала слабое волнение в них. Что только что произошло? Неужели причина тому - ее слова?

Мужун Шу Цин не оставалось ничего другого, как улыбнуться и посмотреть на Мо Цаня, ожидая его объяснений.

«Я не позволю тебе умереть», - равнодушно сказал Мо Цань, но каждое его слово, казалось, весило тысячи катти, и действительно могло потрясти сердца людей.

[1] мера веса в Китае, равная 604 гр.

Мужун Шу Цин тупо уставилась на него. Решив, что, наконец, поняла его, она улыбнулась: неужели этот наемный убийца хочет сменить профессию на телохранителя? Но он просто стоял здесь и уже излучал слабую ауру убийства, угрожая холодной атмосферой. Помнил ли он еще, как спасать людей? В конце концов, для него убивать было намного проще, чем спасать! Наконец убрал с лица улыбку, Мужун Шу Цин насмешливо сказала: «Цена за твои услуги чрезвычайно высока, миллион таэлей за убийство одного человека. Тогда, сколько же денег понадобится, чтобы спасти человека? Боюсь, что я не могу себе этого позволить!»

Редко случалось, чтобы Мо Цань вступал в спор, но сегодня всё было иначе. «Тебе нужны деньги или твоя жизнь?» - спросил он.

«Я хочу и то, и другое!» - откровенно ответила Мужун Шу Цин. Закончив свою речь, она не могла не рассмеяться. Мо Цань по-прежнему ничего не говорил, только смотрел на улыбающееся лицо человека перед ним. И вот уголок его рта тоже волей-неволей приподнялся в улыбке.

В сливовом лесу две фигуры, одна черная и одна белая, шагали неожиданно ногу в ногу. Время от времени раздавались тихие и легкие смешки, это был первый раз, когда они, расслабившись, разговаривали друг с другом.

Когда они почти покинули сливовый лес, Мужун Шу Цин, наконец, увидела Янь Юя. Оказалось, что он все это время был в ловушке у кромки сливового леса, точно так, как она и ожидала. В обычно спокойных глазах Янь Юя, который пытался прорваться к ней в течение двух шичэней, застыла тревога. Когда он увидел Мо Цаня, у него вскипела кровь, и он крепко сжал кулаки. Мужун Шу Цин встревоженно подошла к Янь Юю и, изобразив свою обычную легкую улыбку, сказала мягким и ясным голосом: «Янь Юй, давай вернемся».

Его сжатые в кулаки руки медленно расслабились, Янь Юй скрыл раздражение, которое было в его сердце, и больше не смотрел на Мо Цаня. Он слегка кивнул в сторону Мужун Шу Цин и молча встал позади нее.

Мужун Шу Цин вздохнула про себя. Когда она посмотрела в сторону Мо Цаня, там не было видно ни души. Этот человек всегда будет приходить и уходить вот так, исчезнув без следа. До того, как она изучила этот массив из пяти элементов, она думала, что больше не войдет в этот сливовый лес, но сейчас она больше не испытывала желания покинуть гордые и холодные цветы сливы.

Когда Мужун Шу Цин вернулась в Цзин Шуй Я Сюй, небо приобрело багрово-красный оттенок. Она не видела Цзин Шуй, кажется, ее пригласили на встречу с Ци Жумем. Мужун Шу Цин легла на мягкую кушетку посреди двора, будучи немного усталой, и закрыла глаза, чтобы отдохнуть. Когда она почувствовала, что Лу И мягко накрыла ее одеялом, она даже не открыла глаза.

Когда Мужун Шу Цин проснулась, небо было уже совершенно темным. Сегодня ночью не было луны, и звезды тоже не были яркими. Поэтому она не знала, который час, но стоило ей сесть, она увидела Цзин Шуй, который была одета в простую одежду и сидела в оцепенении на каменных ступенях в маленьком дворике. На фоне колышущейся свечи ее лицо казалось слегка бледным. Она смотрела вперед, но ее глаза ни на чем не были сосредоточены, так что было неясно, размышляла ли она над чем-то или была поглощена мыслями о потере. Ее ничего не выражающий взгляд заставлял людей чувствовать себя очень встревоженными.

Мужун Шу Цин встала, и ее движение, казалось, испугало Цзин Шуй. Она пришла в себя и взглянула в встревоженные глаза Мужун Шу Цин. Встав с каменных ступеней, она медленно подошла к Мужун Шу Цин, но ее движения были несколько скованными. Когда она встала перед кушеткой, она, наконец, попыталась нерешительно сказать: «Барышня, я...»

Глядя на ее стесненные движения, нетрудно было догадаться, что она долго просидела на этих холодных каменных ступеньках. Покачав головой, Мужун Шу Цин потянула Цзин Шуй за руку и усадила на мягкий диван, затем накрыла одеялом ее слегка дрожащие ноги. Потом Мужун Шу Цин спокойно спросила: «Что такое?»

Цзин Шуй просто сидела тихо, а затем покачала головой и сказала шепотом: «Ничего, я просто хочу немного побыть рядом с вами».

Мужун Шу Цин все это время слегка похлопывала Цзин Шуй по руке. Убрав ее слегка растрепанные волосы за ухо, она с теплом произнесла: «Тебе есть, что мне сказать?»

Цзин Шуй слегка склонила голову на плечо госпожи и тихонько пробормотала: «М-м-м». Больше она ничего не сказала, так что Мужун Шу Цин тоже больше не задавала ей вопросов. Она продолжала успокаивающе гладить руку Цзин Шуй, и когда уже было решила, что Цзин Шуй скоро заснет, та вдруг шепотом спросила: «Если мое лицо вылечить, оно станет очень красивым?»

Тихий бормочущий звук эхом отозвался в этом тихом маленьком дворике, она не плакала навзрыд и не причитала, но ее спокойный и медленный голос пронзил сердце Мужун Шу Цин. Решительно кивнув головой, рука Мужун Шу Цин слегка похлопала Цзин Шуй по плечу, и она утвердительно ответила: «Так и будет».

Снова надолго воцарилась тишина, и в безмолвии ночи две фигуры легонько прижались друг к другу. Мужун Шу Цин чувствовала, что ее плечо было довольно мокрым, но не знала, жгли ли ее плечо горячие или холодные слезы. Этот беззвучный крик души действительно вызывал острый приступ жалости.

- Но тогда кто-то другой изменится и станет похож на нынешнюю меня, - Цзин Шуй по-прежнему говорила спокойно, и Мужун Шу Цин не могла видеть выражения ее лица. Она полагала, что этот вопрос уже давно бередил разум Цзин Шуй, поэтому она была несколько ошеломлена и чувствовала себя еще более растерянной. Долгое время чувствуя себя неполноценной, она вдруг обрела надежду, но ее совесть подверглась испытанию противоречивыми взглядами. Всю ночь эта молодая девушка размышляла о том, какой сделать выбор. Когда все было сказано и сделано, кто из них проявил жестокость - она или Чу Инь?!

Цзин Шуй внезапно села и откровенно посмотрела в глаза Мужун Шу Цин. Ее глаза все еще были полны слез, а в глубине скрывался целый калейдоскоп чувств - ожидание, растерянность, беспомощность. Сильно схватив Мужун Шу Цин за руку, Цзин Шуй спросила с некоторым нетерпением: «Барышня, я хочу вылечить свое лицо, но я не хочу причинять боль другому человеку, как вы думаете, что я должна делать?»